

Василий Игнатьев (3)

Ай по матушки по Волге, по Невы-реки
Кабыплыли-выплывали два гнеда тура,
Ак как навстречю туриця златорогая:
«А уже вы здравствуйте, вы туры, да дети малыя!» —
«Уж ты здравствуй, туриця да златорогая!» —
«Уж вы где вы, туры, были-побыли?» —
«Уж мы были, матушка, во Шахове,
А погулели, сударушка, во Ляхове,
Сорочинско чисто полё поперёк прошли,
Стойный Киев-град — с угла на угол,
Некакого мы чуда-то не видели,
Только видели чудо не малое:
Аще середко ночи темной
Отворелися ворота городовая,
Ах выходила девица блада красная,
А в одной она рубашоцке без поеса,
А в онных она башмачиках без чулочиков,
Забродила она во Почёв-реку,
Клала она книгу на горяч камень,
Сколько читала, вдвое плакала». —
«Уж вы ой еси, туры, да дети малыя!
Не девица выходила блада красная, —
Пресвета то мати Борородица,
Она цуела над городом-то невзгодушку,
Она цует над Киевом да не малую:
Кабы Курла-царь да подымаетца,
За им, собакой, силы множество.
По праву руку собаки — сорок тысяцей,
По леву руку собаки — сорок тысяцей,
Позади его, собаки, — числа-сметы нет!»
Становилса он, собака, во чистом поли,
Хорошо ли он, собака, шатры выставел,
Хорошо ле он, собака, верхи выкрасил,
А и сам по силушке похаживат,
А и сам ле по силушке посматривал.

Выбирал он удала добра молодца,
А садилсэ за стол, за дубовой стол,
А писал на ем ерлыки да скорограмотки.
«Поеждяй ты теперь во стольне Киев-град,
А не спрашивай у ворот приворотников,
Не спрашивай у дверей ты придверников,
Церез стену едь ты городовую,
Церез башенку ты едь да наугольную,
Не привязывай ты коня, не приказывай,
Заходи ты во гриню во столовую
И Богу не молись, ты челом не бей,
А клади ерлыки ты на дубовой стол».
А на ето ле он не ослышилсэ,
А поехал ле он в стольне Киев-град.
Церез стены он едет городовыя,
Церез башьни он едет наугольния,
А заходит во гриню во столовую,
А и клал он ерлыки на дубовый стол.
Сходили по Добрынюшку Микитичя,
Читал он ерлыки, да скорограмотки,
Что у собаки было написано,
Да что у него да напечатано:
«Дают город добром — так я добром возьму,
Не дают город добром — так я буём возьму,
Великой дракой-кроволичьичем.
Божьи церкви я на дым спущу,
Чудны образы-иконы — на полав воды,
А кнезья я под меч склоню,
А кнегиню за себя возьму».
Тут князь да запечалился,
Повеся держит да буйну голову,
Потопя очи во мать сыру землю.
Говорит-то кнегиня мать Опракся:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Поди ты топерь да вдоль по городу, —
Нет ли где наеждего богатыря?»
На это ли князь не ослышился,
Пошёл он вдоль по городу.
Стрétилась ему мёньшая пастушенка.

«Уж ты ой еси, меньшая пастушенка!
Не знашь ты где наеждего богатыря?» —
«Не знаю я наеждего богатыря».
Оттуль солнышко опять вперёд,
Стретилась средняя пастушенка.
«Уж ты ой еси, средняя пастушенка!
«Ты знашь ли где наеждего богатыря?» —
«Не знаю я наеждего богатыря».
Оттуль князь да опять вперёд,
Стретилась бóльшая пастушенка.
«Уж ты ой еси, бóльшая пастушенка!
Не знашь где наеждего богатыря?» —
«Знаю я наеждего богатыря:
На том же кружале государевом,
На той же на печке, на муравленке
Лежит-то Васенька Игнатъевич.
Он пропился-проелся весь до ниточки,
Не креста у него, не поеса,
Не тугá лукá, не каленóй стрелы».
На это князь да не ослышилсэ,
Пошёл ле он да на царев кабак,
Стал Васеньку он побуживать,
Будит он Васеньку во первóй накóн, —
Спит Васька, не пробудитса.
Будит Ваську во вторóй накóн —
Спит-то Васька, не пробудитса.
Будит Ваську во третéй накóн —
Тут Васька пробуждаться стал,
Говорит-то Васька таковы реці:
«Болит-то у меня да буйна гóлова,
Болит-то у меня да ретивó серцё».
На это князь был догадливый,
Наливает он цяру зеленá винá,
Не велику, не малу — в полторá ведрá,
На закуску колачик мелкокрищатый,
Турий-де рог да мёду сладкого.
Подавает князь обема руками,
Берёт-то Васенька единóй рукóй,
А пьёт-то Васька к единú духú,

Сам-де за цярой да выговариват:
«Не омыло у Васьки ретивó серцё,
Не звесило у Васьки буйну голову».
Наливает тут князь ему другú цяру́,
Не велику, не малу — полторá ведра́.
Пьёт ле Васька к единú духú,
Сам ле за цярой выговаривает:
«Не омыло у Васьки ретивó серцё,
Не звеселило у Васьки буйну голову».
Наливает князь ему третью́ цяру́.
Берёт-то Васька единóй рукóй,
Пьёт-то Васька к единú духú
И сам ле за цярой выговариват:
«Оммыло у Васьки ретивó серцё,
И звеселило у Васьки буйну гóлову,
Сколь я рад нынче чары пить,
Столь же я рад за кнезя́ служи́ть,
За кнезя́ служи́ть, хошь голову́ сложить!»
Говорит-то Васька таковы́ речí:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Нету у меня нынче тугá лука́,
Нету у меня нынче и каленóй стрелы́,
Нету у меня и коня доброго,
Всё у меня нынче заложено
На царевом бóльшем кáбаке».
Приказал князь дать безденежно.
Выходит тут Васька вон на улицу,
Натягает он свой тугóй лучóк,
Направляет он стрелочку калёную,
Подёрнул он тетивочку шелкóвую,
Сам ле ко стрелке наговаривает:
«Лети-ко, стрелочка калёная,
Повыше дерева шарового,
Пониже облака ходецего,
Залети ты, стрелочка калёная,
Тому же Скурлу во чéр[н] шатёр,
Залети ты, стрелочка калёная,
Тому же Киршаку во прáвый глаз,
А вылети, стрелочка калёная, лéвым úхом!»

Говорит тут Скурла таковы́ реці:
«На кого была надея, того чѣрт побрал!»
Тут в поле сила взволновалася,
Поехали они да в стольне Киев-град,
Греметь да шурмовать стольне Киев-град,
А настрѣцу Васенька Игнатъевич.
А сколько он сам был — вдвое-втрое конѣм топтал,
Ухватил он тотарина, кокой побольше всех,
На ту ле руку́ махнѣт — то ле улица,
На другу руку́ махнѣт — переулочек,
Сам ле ему да приговаривал:
«Едрѣн на жилáх — да ты не сѣрвешься,
А сух-де на костях — да ты не сломишься!»
И перебил он всю силушку Скúрлану.
Собиралися тут бояра толстобрюхие,
Стали делить да золотú казнú,
Делят они на трѣ части:
Оннú часть на церковь божию,
А другú часть князю со кнегиною,
А третью часть боярам толстобрюхиим,
А Ваську Игнатъевича обделивают.
Говорит-то Васенька Игнатъевич:
«У бою, у дра́ки Васька первый был,
А у делú Васенька последний стал».
Говорят ему бояра толстобрюхия:
«Тебе сказано, Васенька, — отказано».
Говорит Васька во вторóй након,
Говорят бояра толстобрюхия:
«Тебе сказано, Васенька, — отказано».
Расходилися у Васьки могучѣ плечá,
И разгорелося у Васьки ретиво серцѣ,
Пошѣл он в стольне Киев-град,
Шурмовать-греметь стольне Киев-град.
И заскакивал во гриню во столовую,
И хватал столешинку дубовую,
И хотел убить кнезя со кнегиною.
Ускакивал князь под столик тот
И умаливал Васеньку Игнатъевича:
«Уж ты ой еси, Васенька Игнатъевич!

Бери ты города с пригорóдками
И селá с присёлками,
Оставь ты только меня во живности».
Говорит-то Васенька Игнатъевич:
«Не надо мне города со пригорóдками,
Не надо мне селá с присёлками,
Только позволь мне пить вино безденежно».
(Тут и конець.)

*(Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на
— от Чупрова Гаврилы Ивановича, 50 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.